

Кніга ўспамінай "Вайна вагані дзяцей".

Каманда "Ісследователи"

Імя, імя па бацьку, прозвішча,
кые успаміны запісаны

Воляк Николай Иванович

Фатаздымак

Каманда "Ісследователи"

Воспоминания малолетнего узника

Воляк Николая Ивановича, который

проживал в д. Красный Бор

Дятловского района.

Вот что он рассказывает;

Родился я и вырос в деревне Пуща Липичанская. В те времена наша деревня была многолюдная. Семьи были многодетные. Такой была и моя семья. Мой отец родился в 1891 году. Звали его Воляк Иван Гаврилович. Всю свою жизнь он трудился на земле, с этого жила и вся семья. Мою мать звали Воляк Вера Людвиговна. Родилась она в 1901 году. У меня были две старшие сестры: Лидия и Ольга. Лидии и Ольги уже нет в живых. У каждой из них остались дети и внуки.

Я, Николай, родился в 1928 году. Имя мне дали такое потому, потому что я родился на Николу, это такой христианский праздник. Наша семья жила небогато, но еды хватало. Отца часто заставляли работать на вырубке леса для пана, а мать и старшие сестры сушили сено и собирали ягоды и грибы в панском лесу. Мама потом часто вспоминала что, собирая ягоды, они должны были петь песни. Я удивлялся, почему так, а ответ был такой - чтобы ягоды не ели. Еще семья во время жнива должна была тоже отрабатывать на пана.

Но вот пришла Красная армия, и вся наша земля стала свободной. Мы начали жить совсем по-другому. Отец часто говорил, что мы заживем, так заживем.

Но нашему счастью не суждено было длиться долго. Началась война. К этому времени мне исполнилось 10 лет. Я с ужасом и страхом вспоминаю эти годы. Воспоминания тяжелые, вередят душу.

В июне 1941 года, в первые дни войны, впервые я увидел черные самолеты с крестами на крыльях. Бывали случаи, что самолеты пролетали низко над домами, а иногда, ради удовольствия, немцы могли выпустить череду пулеметных пуль по деревне. Мы потом старались

спрятаться при приближении звуков самолета. Ближе к осени в нашей деревне начали появляться немцы. Нам, детям, они казались страшными-престрашными. Их каски, форма, автоматы, непонятный язык и свирепые взгляды наводили ужас на всех жителей. В деревне они только появлялись на несколько часов, грабили, жестоко расправлялись над теми семьями, кто был связан с партизанами, или ушел в партизанский отряд. Очень жестоко они расправились над семьей Пархача. Всю семью, детей и родителей, они утопили в колодце. Наша семья тоже помогала партизанам как могла. Мама пекла хлеб, отдала все домотканое полотно для раненых солдат в госпитале, отец отдал свой тулуп. Настоящей «кормилицей» для семьи была корова. Вкус и сладость молока был самым неопишуемым лакомством для нас, детей. Нам приходилось, и сеять, и жать, и пахать. С 12-ти лет я научился ходить за плугом. День 25-го июля 1944 года я не забуду, наверное, никогда. Утром, когда деревня еще спала, подъехали на машинах вооруженные до зубов немецкие солдаты и полицаи. Они начали врываться в дома, что искали, не было понятно. Наш дом они тоже не обошли стороной. Я и мои сестры еще спали, мама хлопотала по хозяйству, а отец ушел на сенокос. Проснулись мы от крика матери. В доме шныряли полицаи, ругались, кричали, что мы прячем партизан. Мама в слезах говорила, что не знает таких, и в глаза не видела. Но планы их были «наверное» совсем иные. Не найдя ничего в доме, один из немецких солдат ткнул автоматом в меня и на немецком языке сказал «ком» и дулом автомата указал на дверь. Я на ходу успел натянуть штаны, а в руки схватил ботинки. Босиком я выскочил на улицу. За мной бежала моя мама, но ее остановил удар приклада одного из полицаев. Под дулом автомата меня погнали в

центр деревни. Там уже было несколько взрослых мужчин. Дальше все было как в кошмарном сне. Пешком нас погнали в деревню Руда-Яворская, а потом в Новоельню. Два дня нас не кормили, давали пить только теплую грязную воду. В туалет нас никто не водил. Таких людей как я было много. Нас посадили в вагон для перевозки скота и повезли. Везли долго, даже не могу вспомнить сколько дней. Люди падали в обморок, особенно страдали от голода такие дети как я. В одной вагоне вместе со мной оказался житель моей деревни Русин Василий Степанович. Ему

было тогда около сорока лет. Именно ему я благодарен, за то, что я остался жив. Не один раз он выручил меня и заботился обо мне как о сыне.

Ночью поезд остановился, и нас начали поспешно выгружать из вагонов. Построив всех в колонну, нас повели к баракам. И тут мне опять повезло. Моего дядю Васю распределили в один барак вместе со мной. Спали мы на пятирусных нарах. Рядом со мной спал мой дядя Вася. Барак был огромный, людей было очень много. Почти все были из Союза. Кормили нас один раз в день. Еда была очень плохой: кусочек хлеба и баланда, кушать которую было почти не возможно. Но ели мы все, что мог переварить наш желудок. С мыслью о еде я ложился спать и с той же мыслью я просыпался. Поиски еды были самым, что ни есть, основным занятием после тяжелой работы.

Однажды нас отправили чистить вагоны, в которых перевозили скот. Эти вагоны стояли в глухом тупике станции. Чистя вагоны, дядя Вася заметил поле, засаженное картошкой. Тихо рассказав мне о своем открытии, он помог мне вылезти с другой стороны вагона. Я пополз к

этому картофельному полю. Выкопав первую картошку, я ее съел сырой. Она мне показалась такой вкусной, вкуснее яблока. Накопав картошки, также не заметно, я тем же путем вернулся назад в вагон. Я и дядя Вася были счастливы. Теперь мы заживем! Чтобы сварить картошку, нужно было еще найти котелок. Дядя Вася нашел, но нужно было дождаться своей очереди. Эту очередь мы ждали два дня. Варили картошку мы ночью, когда все спали. Сварив, мы взялись ее тут же есть. Я думал в ту минуту, что я счастливее всех на свете. Но дядя Вася сказал, что нельзя есть все сразу, будет болеть живот. Ели мы эту картошку несколько дней, по две-три штуки. Еще несколько раз я отправлялся копать картошку на то же поле. Выбирали самые темные или дождливые ночи, и я отправлялся на добычу еды. В любой момент нас могли расстрелять, но голод не останавливал нас.

Однажды, разгружая вагоны с тюками одежды, мы заприметили в куче мусора буханку хлеба. Незаметно для окружающих, дядя Вася поднял эту буханку и спрятал под свою одежду. Мы оба были на седьмом небе от счастья: «поедим хлеба вволю!». Но не все так было хорошо, как нам хотелось. Эта буханка хлеба была облита соляжкой. Но даже это, не было преградой для нас. По маленькому кусочку, отщипывая, мы ели этот хлеб. В животе урчало, но даже это нас не остановило. Спрятать продукты у себя в бараке было очень сложно. Люди воровали их или силой отбирали друг у друга. Станция, на которой мы работали, была большая, поезда шли днем и ночью. Почти целый год я пробыл в плену и все это время вместе со мной был мой дядя Вася. Позже мы узнали, что город, где я прожил целый год, назывался Кальструг. Через этот город протекала небольшая речушка -

Кальструга. Именно из нее мы брали воду для питья. Одежды нам почти никакой не выдавали. И к концу плена я ходил совсем ободранный.

Войска Красной армии освободили город Кальструг 5-го апреля 1945 года. Радость и волнение переполняли нас. Наконец-то мы сможем вернуться на Родину. Но вернуться на родную землю сразу мне не удалось. Всех нас, бывших военнопленных, подвергли проверке, уже на Родине. Позже, через много лет, я понял, что это означало. Домой я вернулся в августе 1945 года. Мои родные уже и не надеялись увидеть меня живым и здоровым. Моя мать за это время стала полностью седой. Она позже уже мне рассказывала, что на второй день, после того, как меня забрали, в деревню приехали роновцы. Точно также, они ворвались в дом, и хотели силой забрать мою сестру Олю. Мать стала на колени, плакала, просила, умоляла, не забирать дочь. Один из роновцев, выругавшись матом, сказал: «Пусть живет». Все роновцы ушли из дома. Так моя сестра чудом избежала плена.

Николай Иванович говорил, что не всегда хочется вспоминать те месяцы, проведенные в плену. Но ради того, чтобы дети и внуки не знали тех ужасов, которые ему пришлось пережить, он согласился еще раз вспомнить страшные минуты из своей жизни. У Николая Ивановича есть справка, подтверждающая, что он действительно был в плену. Вот ее содержание: «27-го января, 1993 года, №В-531

Начальник подразделения Р. И. Верстак. Справка дана Воляк Николаю Ивановичу, 1928 года рождения, уроженцу деревни Пуца Липичанская, Дятловского района, проживающего по месту рождения. 25-го июля 1944 года он был вывезен на принудительные работы в Германию, где работал на железной дороге. После освобождения, 5-го апреля 1945 года, и

прохождения государственной проверки военнопленных в августе 1945 года (точная дата не установлена), убыл к прежнему месту жительства.

Николай Иванович жил в деревне Красный Бор, где и родился. Вырастил он троих детей: двух дочерей и сына, имел внуков, радовался всегда их успехам. Верной спутницей всей жизни у Николая Ивановича была его жена Анна, судьба которой, ничуть не легче чем у мужа.

Команда "Знайцы"

Из воспоминаний Маевского Леонида Ивановича, ветерана Великой Отечественной войны

«...Когда наступила война, мне было 16 лет. 6 декабря 1942 г. был призван в армию. Попал сначала на пересыльный пункт в Вологду, затем на Карельский фронт. Одеты мы были тогда плохо, шинели у всех были уже сильно поношенные. Америка снабжала нас продуктами питания. Всё шло через Мурманск, Дальний Восток, вот почему для немцев была так важна Мурманская дорога. Мы это понимали, поэтому дорога находилась под хорошей охраной.

Когда Карельский фронт был расформирован, нас отправили на 2-й Белорусский фронт. Со станции Лоухи ехали в товарном вагоне до Шарьи. От Шарьи до Барановичей ехали поездом, а от станции Барановичи шли пешком 700 км. Шли по 50 км с небольшими перевалами, случалось, что на ночлег не останавливались. Двигались в сторону Гданьска. 2-м Белорусским фронтом командовал тогда маршал Константин Рокоссовский. Воевали, теряли друзей, но всегда находили

силы снова подниматься, снова очищать наши земли от немецко-фашистских захватчиков. Тогда и всегда была одна цель – Победа! День за днём мы её приближали. Мы это чувствовали, мы это знали. А иначе и быть и не могло. Тогда в тихие мгновенья затишья каждый из нас мечтал о доме, а ещё о том, что будет Победа, наступит мирное время, и вот тогда мы будем вспоминать, что в грозные дни для Родины не сидели сложа руки, а помогали своей стране в её тяжелой и очень важной борьбе с немецко-фашистскими захватчиками. Это были мечты... Каждый из нас понимал, что враг ещё силен и коварен, ещё много придется пролить пота и крови, чтобы разбить его и прогнать с нашей земли. Как призыв в голове звучали слова: «Не давать пощады врагу!» И мы старались, как могли, но всегда старались.

23 марта 1945 года был ранен снайпером. Это было между боями. Ранен был в живот. Пуля прошла рикошетом, левая рука не работала, весь истекал кровью. Сначала в полевом госпитале сделали операцию, а потом отправили в госпиталь в Горький. Там пролежал 3 месяца. В госпитале встретил и Победу. Какая же это была радость, даже не передать словами. Радость за себя, за своих товарищей, за весь народ. В Горьком дали вторую группу инвалидности. Затем вернулся на родину, где работал в местном хозяйстве.»

Команда "Тероможцы"

Команда «Пераможцы»

Дадура Тадеуш Викентьевич

1943

Родился я в 1943 г. в г.п. Новоелья. Когда закончилась Великая Отечественная война, мне было всего два года, моё детство прошло в голодные послевоенные годы. Саму войну я почти не помню, но она забрала у меня самое дорогое – моего отца Дадура Викентия Павловича. О нём я знаю лишь из рассказов моей мамы, Дадура Ольги Антоновны, моих родственников и соседей. Об отце мне всегда напоминает скромная надпись на памятнике, поставленном на месте зверски замученных участников партизанского движения (фото 1), да старая, выцветшая фотография, где мой отец такой молодой, красивый, одетый в белую рубашку и строгий костюм (фото 2). Как рассказывала мама, родился он в 1896 под Белостоком. В 1928 году переехал жить в г.п. Новоелья. Моя мама жила в д.Головли, работала в Новоелье. Там и встретила отца. Они поженились, приобрели дом, вскоре появился первенец, семья стала расти. Отец купил лошадь и стал заниматься извозом. Когда началась война, отца не взяли на фронт. В самом начале 1942 года он добровольно пошёл сапёром в партизанский отряд. Партизанский отряд назывался «Октябрьский». Когда фашисты заняли наш посёлок, отец вернулся домой. Он стал партизанским связным, потому что имел свою лошадь. По заданию партизан он перевозил боеприпасы, доставлял в отряд одежду, питание, особенно хлеб, перевозил раненых в партизанский госпиталь. Никто не мог предположить, что, когда он ехал в лес за дровами, или в поле за сеном, или кого-то подвозил в соседнюю деревню, он выполнял разные поручения командования, добывал важные сведения о перемещении фашистских оккупантов. Однажды в марте 1944 года он не вернулся домой: при выполнении задания группа партизан, в которой находился мой отец, попала в засаду и была схвачена немецкими оккупантами.

Мою маму об аресте предупредили партизаны, ей пришлось покинуть посёлок и прятаться вместе с детьми на хуторе у дальних родственников.

Партизан привезли в деревню Варакомщина, заперли в гумне, которое круглосуточно охранялось власовцами (фото 3). Были жестокие, мучительные допросы в течение месяца. Местные жители слышали стоны, крики, видели разъярённых от злости немцев. Партизан систематически избивали до полусмерти, не давали есть, пить и спать. Но они мужественно выдержали пытки, не сообщили место расположения партизанского отряда, не предали своих товарищей. В конце апреля 1944 года моего отца и его товарищей полуживыми закопали тут же около гумна. Как утверждали старожилы, земля ещё «двигалась» после захоронения: люди были живы и пытались выбраться. Похоронить достойно зверски замученных партизан местным жителям не удалось, потому что на месте гибели стояла немецкая техника, по нашей земле ступала нога фашистских оккупантов. Когда освободили г.п. Новоелья, замученных партизан перезахоронили на кладбище и поставили небольшой памятник (фото 4). Это место для меня и для моей семьи стало священным.

Я не помню своего отца, не помню его голоса и улыбки, но наша семья никогда не забудет о том, что он и миллионы других солдат, воевавших в годы Великой Отечественной войны, спасли весь мир от фашизма, чтобы мы могли жить под мирным небом, чтобы мои внуки и правнуки кричали «ура», когда в небе сверкает салют Победы!

Фото 1.

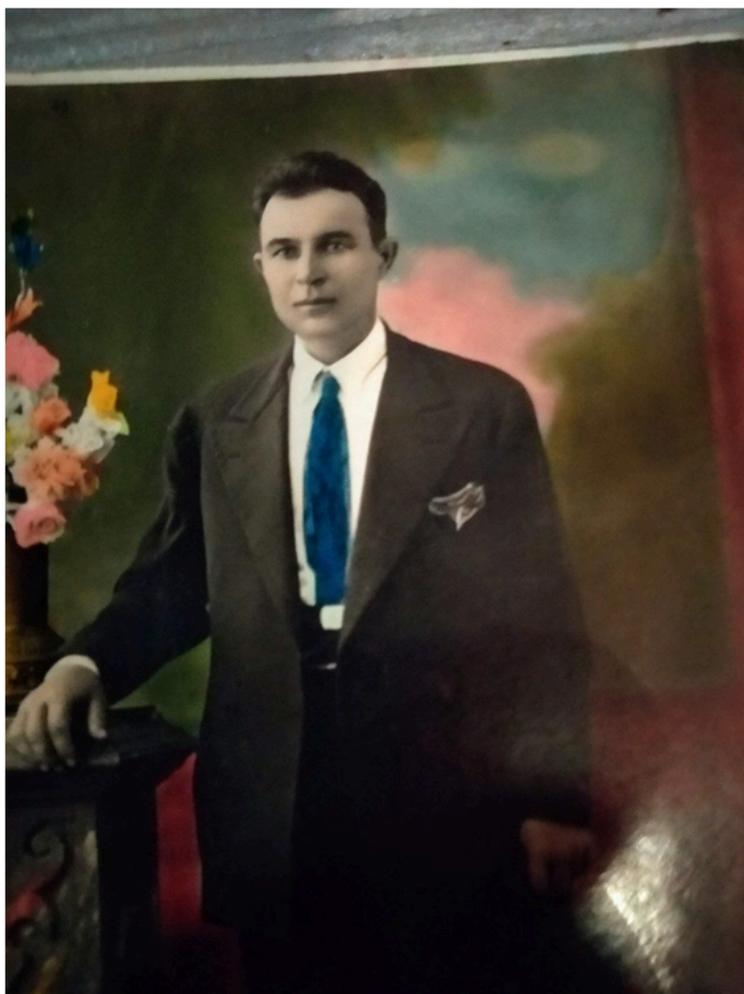

Фото 2.

Фото 3.

Фото 4.

Команда "Тутэйшыя"

Мядзелева Яніна Іосіфаўна

Яніна Іосіфаўна нарадзілася ў 1926 годзе ў в. Засеце.

З малых гадоў ёй прыходзілася дапамагаць па гаспадарцы. Вучыцца магчымасці не было. Бацька і маці моцна хварэлі. Уся цяжкая работа клалася на плечы дзяцей. Становішча стала яшчэ цяжэйшым, калі пачалася вайна. Летам 1942 года яе і многіх яе ровеснікаў вывезлі ў Германію. Цэлыя 2 гады яна мучылася ў фашысцкім палоне. Успамінаць трагічныя моманты свайго жыцця Яніна Іосіфаўна не любіла. Пры расказе заўсёды пачынала плакаць. Жыла яна ў халодных бараках. На работу іх паднімалі вельмі рана. Калі да месца знаходжання лагера падышлі амерыканскія войскі, немцы выгналі вязняў з баракаў, каб расстраляць і спаліць. Але раптам раздаліся выбухі. Вязні пачалі ўцякаць. Немцы адкрылі агонь. Многія загінулі. А Яніне Іосіфаўне ўдалося застацца жывой. Вязні, якія выратаваліся, хаваліся з лясных ямах, дзе іх і знайшлі амерыканцы. Яны прапанавалі вязням выезд у ЗША. Але нашы людзі адмовіліся. Іх пераправілі да польскай мяжы, а далей яны апынуліся на беларускай зямлі. Адразу пасля вяртання памерлі бацькі Яніны Іосіфаўны. Яна пайшла працаваць на торфапераапрацоўкі, дзе і працавала 7 гадоў. А калі ў вёсцы Засеце пабудавалі ферму, пайшла працаваць даяркай.

За добрасумленную працу неаднаразова адзначалася Ганаровымі граматамі і каштоўнымі падарункамі.